

Александр Андреев

Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады

Эти невозможные люди

Александр Андреев

**Богдан Хмельницкий в
поисках Переяславской Рады**

«Автор»

2013

Андреев А. Р.

Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады /
А. Р. Андреев — «Автор», 2013 — (Эти невозможные люди)

Книга «Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады» – динамичная, почти детективная и очень резкая историческая реконструкция великолепных и ужасающих событий украинской и европейской истории века, построенная на детальном знании этих эпох, но не являющаяся нудным документальным исследованием с обилием устаревших и многословных цитат авторов-переписчиков друг друга. В книге много живых русско-украинско-польских традиционно-специфических диалогов, делающих ее текст еще более удобным для современного массового читателя. Авторы книги, владеющие украинским и польским языками, реконструировали многие исторические события и факты, совершенно неизвестные российскому читателю. О следующем этапе украинской истории читайте в книге «Степан Бандера в поисках Богдана Хмельницкого».

© Андреев А. Р., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Предисловие	6
Чигирин, Субботов, победный год Богдана Великого	8
Казацкая игра в дудки 1648–1654 годов	9
1595–1620 годы: «Украина никогда не будет польским захолустьем»	12
1620–1622 годы: «Привет тебе, Черное море, да не с того конца»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр и Максим Андреевы Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады

История – это то, что было, а не то, чего-бы хотелось

Украинский исторический ураган
Авторская версия

Предисловие

Книга “Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады” – динамичная, почти детективная и очень резкая историческая реконструкция великолепных и ужасающих событий украинской и европейской истории века, построенная на детальном знании этих эпох, но не являющаяся нудным документальным исследованием с обилием устаревших и многословных цитат авторов-переписчиков друг друга.

Современный читатель вместе с Богданом Хмельницким ощущает переломный момент европейской истории. Великий украинский гетман получил великолепное образование во Львовском коллегииуме ордена иезуитов, и авторы просто и понятно рассказывают о лучшей в истории человечества системе воспитания и образования Игнатия Лойолы, до сих пор используемой в европейских и американских университетах. Именно в общедоступной коллегии Общества Иисуса небогатый и незнатный украинский казак получил фундаментальные политические, военные и административные знания, которые позволили ему в течение десяти лет успешно бить Польскую Корону и создать впервые после Киевской Руси украинскую государственность, используя при этом древние и современные ему способы и приемы ведения войны и строительства державы. С помощью авторов читатели как бы проваливаются в прошлое и сразу попадают в фалангу героев Александра Македонского, громящего персов царя Дария при Гавгамеллах и индийцев раджи Пора при Гидаспе, вместе с Ганнибалом Молниеносным с боевого карфагенского слона наблюдают за полным разгромом непобедимых римских легионов при Каннах, рядом с Юлием Цезарем атакуют Гнея Помпея в битве при Фарсале, вместе с Богданом Хмельницким восторженно знакомятся с выдающимися “Государем” Никколо Макиавелли и “Завещанием” герцога Армана де Ришелье.

Будущий украинский гетман действует почти вместе с читателем в Варшаве и Кракове, в турецком и татарском плену, и читатель вместе с ним знакомится с историей Речи Посполитой, Турции, Византии, Крымского ханства. Авторы живо рассказывают о Запорожской Сечи, очень жесткими, но достоверными диалогами говорят о кровавом конфликте польской шляхты и украинского казачества, основанном на желании магнатов и нобилей Речи Посполитой “с наслаждением вырубить это украинское быдло под корень”. Описание встречи витязей-побратимов Богдана Хмельницкого на его чигиринском хуторе Субботове сменяется рукопашной сшибкой в Диком Поле, а за описанием общеевропейской Тридцатилетней войны следует рассказ о том, как казацкая морская пехота во главе с Богданом Хмельницким и Иваном Сирко на французских боевых кораблях в яростном бою захватила испанский Дюнкерк, за которым действие переносится в варшавский королевский дворец на шляхетский пир “из пяти перемен”. Из Англии гениального революционера Оливера Кромвеля действие переносится в Речь Посполитую, где интриги короля Владислава раздувают пожар казацкого восстания 1648 года. Авторы живыми диалогами рассказывают о знаменитом “совещании в роще”, освободившем Украину от Польской Короны, а описание династии крымских ханов Гиреев сменяется грандиозной картиной боевых запорожских чаек на Днестре и первым польским разгромом у Желтых Вод.

На десятках страниц захватывающе реконструируется Корсунская битва, в которой 15000 казаков стерли 25000 польских жолнеров, которая сменяется описанием битв у Пилявиц, Збаража, Берестечко, Дрожиполя. Подробно рассказывается о колоссальной битве под Батогом, в которой Богдан Хмельницкий по примеру Ганнибала устроил Речи Посполитой их собственные Канны, “уничтожив в пень” регулярную тридцатитысячную польскую армию. Описание ужасных казней восставших сменяется рассказом о заседании варшавского сейма с сочными диалогами его участников. Впервые на русском языке авторы подробно рассказывают об украинских характерниках, так похожих на японских нинзя, служивших в личной охране

Богдана Хмельницкого, о их тренировках, боевых операциях и засадах на засады. Читатель, наконец, узнает, что же действительно произошло 8 января 1654 года в Переяславе, и на каких условиях Украина вошла в состав Московского царства.

В книге много живых русско-украинско-польских традиционно-специфических диалогов, делающих ее текст еще более удобным для современного массового читателя. Авторы книги, владеющие украинским и польским языками, реконструировали многие исторические события и факты, совершенно неизвестные российскому читателю. К изданию подготовлена и работа о следующем этапе украинской истории – “Степан Бандера в поисках Богдана Хмельницкого”.

Чигирин, Субботов, победный год Богдана Великого

Богдан Великий долго молчал. Думал. Он знал, что без его зова никто не посмеет зайти в гетманский зал. Наконец Богдан нашел место, где надежно и на века спрячет этот великий и ужасный манускрипт, которому нет и никогда не будет цены. Украина и Россия, они теперь как два брата-близнеца, два верных друга, навсегда вместе? Или как два дурня, поссорившиеся из-за одной хаты? На самовластье тоже можно повлиять вековыми рыцарскими традициями. Хорошее перенимается так же легко, как и плохое. Теперь Украина выживет и выстоит в веках. Теперь его дело кончено. Если старшина не свихнется от жадности, а она обязательно свихнется. Ну что же, пусть история идет своим естественным путем и отбором. Иного пути все равно нет и никогда не будет.

Все равно придут, появятся новые герои, которые яростно и оглушающее громко крикнут: «Гей, братья-казаки, гордые негнущиеся хлопцы, ведь еще не умерла Украина, если мы живы! Не затупились ли наши знаменитые сабли, не скучно ли им в тесных ножнах и не пора ли им на вольную волю?»

Придут герои и уймут неумных, и дадут счастье моему намучившемуся, недосеченному народу. Он, Хмельницкий, которого уже сейчас называют Великим, сделал все что мог и пусть кто-нибудь из новых героев попробует совершить больше. Тогда и явится новому вождю этот манускрипт, против которого нельзя возразить.

Богдан взял хартию в руки, поцеловал, тщательно завернул в вечный пергамент, залил воском и уложил в свинцовую трубу, намертво закрывшуюся в его руках. Затем Великий позвал своего любимца Максима, из уманских характерников Ивана Богуна, обоерукого мастера боя и боевого гопака, вернейшего из верных, несколько раз со своим десятком отчаянно-сумасшедших телохранителей удачно дравшихся за бесценную гетманскую жизнь. Максим уже знал, что поедет на остров и в Лондоне будет хранить эту великую хартию.

Богдан передал Максиму свинцовую трубу и письмо к своему давнему знакомцу, лорду – протектору Великой Британии Оливеру Кромвелю. Хлопца надо было отправлять сейчас, пока Ставку не забили эти невменяемые боярско-дьяческие хари. Времени у гения украинского народа оставалось совсем немного, но он все успеет. Да живет моя Украина вечно!

Казацкая игра в дудки 1648–1654 годов

“Славные рыцари-молодцы, сыны могучих героев! Пришли враги завоевать нас огнем и мечем в прах, и дома наши в пепел сотворить, и всех казнить и славу нашу уничтожить. Братья знаменитые! Встаньте сердцем и оружием, покажите свою саблю врагу и добудьте свободу родной Украине. Устоит ли кто перед вами, витязями Отчизны! Кто за Бога, за того Бог.”

Богдан Хмельницкий договорил, развернул боевого коня и встал перед громадным войском. Уже рассвело и жаркое летнее украинское солнце осветило две армии, точно великаны, стоявшие друг против друга на поле будущей битвы. С той стороны коронный гетман выступал перед своим войском и, казалось, вездесущий ветер легко доносил до казаков его зловещие слова: “Позор нам рубиться с никчемной шайкой хлопов. Мы их разгоним одними плетями. Не помогай, Боже, ни нам, ни казакам, а смотри, как мы разделаемся с этим мужичьем”.

Богдан Великий знал, что впереди стоят сто пятьдесят тысяч грозных воинов и совсем не все из них так изнежены, что воюют на прекрасных конях с серебряными и позолоченными седлами, саблями с серебряными вставками, в бархатных одеждах и дорогих мехах, в шапках с драгоценными камнями, сапогах с позолоченными шпорами, празднуя победу дорогим вином в кубках из золота и смывая гарь битвы в серебряных ваннах обоза. Сзади казацкого гетмана ревело выстроившееся войско: “Веди на панов, кончай панов!” Богдан положил руку на гетманскую булаву и сзади высверкнула пятидесятитысячная сталь яростных клинков, и отразилось солнце от железа тридцати тысяч мушкетов великолепной казацкой пехоты. Оцепенение перед смертным боем первой не хотела прерывать ни та, ни другая сторона, хотя все полки уже полностью развернулись в боевой порядок.

Зловещая минута перед боем, наконец, закончилась. Панское войско сдвинулось с места и, убыстряя и убыстряя ход, покатилося на казаков на всем трехкилометровом фронте. Впереди, и справа и слева, вырвались конные хоругви и полетели на противника. Богдан Хмельницкий поднял гетманскую булаву, и вперед своим грозным монолитным четырехугольником двинулась великолепная казацкая пехота. С обеих сторон загремели мушкеты и орудия, и пороховой дым стал затягивать солнце. Прикрывавшие пехоту справа и слева казацкие полки ударили в летевшие на них панские хоругви, и вдруг пехота налетела на пехоту. Зазвенела ужасающая битва, в которой с обеих сторон рубились триста тысяч бойцов. очевидцы сражения рассказывали, что земля дрожала весь световой день, и воздух смертного поля к концу битвы совсем пропитался кровью.

Двенадцать панских хоругвей косым ударом врезались в казацкий четырехугольник и стали вырубать в нем вылом. Неимоверным усилием вдавливались и вдавливались они в него, и в скрежете ломающейся стали и реве орудий разорвали казацкие ряды. Ждавший этого железный полк Михаила Кричевского по приказу гетмана разом остановил прорыв, резко вогнав в него походные возы. Казалось, целый век шла эта резня, какой давно не видели опытные воины. Коронный гетман двинул вперед и в центр левое и правое крылья своего колоссального войска, но хоругви не доскакали до отчаянно дравшихся казацких полков и со всего своего размаха врезались во встречавших их витязей Ивана Богуна и Максима Кривоноса.

Коронный гетман ввел в бой вторую линию хоругвей, и железный ураган накрыл все поле еще не решившей ничего для себя победы. Уже почти час отсекали охваты и обходы панов отчаянные бойцы Данилы и Ивана Нечаев, почти в полном кольце рубились суровые воины Ивана Гири и Мартына Пушкаренко, а отчаянные хлопцы Максима Гамалеи пробивались к казакам Ивана Черныша, которые погибали и падали, но падали только вперед и никак паны не могли сквозь них пройти. Богдан Хмельницкий перекрыл своим гетманским рыком непрерываемый грохот битвы: “Что, братья-казаки, есть ли еще казацкая сила, и порох в порохов-

ницах, и рубят ли еще казацкие сабли?“ “Есть еще, батька, есть все, и рубимся мы уже в полном окружении”, – отвечали гетману его непобедимые витязи. Богдан двинул вперед резервные полки Мартына Небабы, Ивана Золотаренко и Луки Мозыри, и грозные всадники в стальной круговерти выдавили панов из казацкого пехотного четырехугольника и восстановили казацкий фронт.

Коронный гетман спешил как можно быстрее прорвать непрорываемых хлопов и двинул вперед знаменитые панцирные хоругви. Широким и мощным скоком полетели вперед сбереженные до самого нужного момента непобедимые крылатые гусары, от удара которых не было защиты. Рванул им навстречу своего боевого коня Богдан Хмельницкий, и уже обгоняли его ужасные клубки казацких полков Федора Якубовского и Максима Гладкого. Опять сшиблись все и вся, и от своего гетмана не отставали его верные джурь с запасным оружием, знавшие его яростную удаль. Лучшие панские воины прорубились, наконец, к казацкому гетману и вцепились в него. Горестно закричали бившиеся из последних сил казаки, увидев, как панцирные крылья накрыли их батьку-гетмана. Возник вдруг опять великий гетман, разорвал застежку гетманского плаща, в который вцепились трое гусар, стряхнул их с себя и страшен в гоме ужасающей битвы оказался его лик. Богдан вырубился из кровавой круговерти и полк Иосифа Глуха уже стоял и бился вокруг него. Сражение, наконец, сделалось всеобщим, и у коронного гетмана больше не осталось резервных хоругвей. Все шло так, как хотел Богдан Хмельницкий, как мечтал он все последние годы.

Богдан сменил изломанное оружие и израненного коня, встал на стремянах, грозно глянул на стрелявших в него панов, и их пули пролетели мимо гетмана. Хмельницкий все увидел и все понял и подал, наконец, долгожданный знак. Рванулись с левого фланга вперед непобедимые воины Ивана Богуна, сдвинули назад несдвигаемые вражеские хоругви, и в образовавшуюся щель с самого конского скока влетел полк Филона Джеджалия. Вздогнули коронные воины, ибо увидели его знаменитых обоеруких воинов. С двумя саблями в руках, управляя верными конями с помощью колен, обоерукие размахнулись в полный размах, и одна панская стена перед ними упала, а вторая исчезла. Разворачивал против страшного врага своих гвардейцев коронный гетман и никак не мог развернуть, потому что бил и бил его в лоб ужасный Богдан с яростными казаками. Наступил момент, когда весы битвы уже начали сходиться с ума от непонимания происходящего.

В урагане сражения Богдан Хмельницкий потерял всех своих ближних казаков. Он должен был подать последний знак к победе, но не было вокруг никого из гетманской сотни. Справа рубился какой-то знакомый хлопец, кажется, из уманских, которого не раз присылал к нему с поручениями полковник Богун. Богдан выхватил уманца из круговерти боя и что-то дважды прокричал ему на ухо. Казак сделал жест, что все понял и сгинул в сторону. Гетман так волновался, что сломал саблю, подставив ее плашмя под вражеский удар, и с трудом отбил перначом. Через несколько минут он понял, что его посланец дошел и передал все, что ему приказали, хотя это было почти невозможно.

С правого фланга воины Максима Кривоноса внезапно ударили на противника и опрокинули его назад. Тут же в образовавшуюся брешь ворвался полк Федора Лободы, казаки которого сидели на лошадях по двое. Успел пошутить коронный гетман, что у бедных хлопов даже коней на всех не хватило, а значит, это скачут не казаки, потому что нет казака без верного коня. Не договорил коронный, поперхнулся, и угрюмо сомкнулись вокруг него панцирные гусары, сразу узнавшие своих отчаянных и всегда непобедимых врагов. Запорожцы и мастера боевого гопака слетели с коней и вдруг появились везде и били и с низу, и с верху, и отовсюду ногами и руками по панским шлемам, и не было от этих ударов никакой защиты, потому что

ответные удары подали туда, где казаки были и уже не были. Всеобщая битва превратилась в грандиозную резню, в которой polegло множество панов из знатнейших родов.

Возликовали измученные и израненные казаки и закричали врагам: "Эй, панове, хорошая у вас была музыка в начале, а теперь вам так славно сыграли в дудки казаки". Кинулись вставшие из крови казаки и ворвались в самую середину панского войска. Валили полки за полками и справа и слева и в центре и везде, и катилась вперед волна народного гнева. Сломался коронный гетман и закричал, чтобы скорей ему подавали лошадь, хотя и сидел он уже на боевом коне. Спрятался коронный, но нашли и зарубили его казаки.

В панском войске началась паника. Повсюду бежали неведомо куда паны, но везде догоняли и рубили их те, кого они называли хлопами. Целое панское войско превратилось в трупы и лежали они, выщерив зубы, и ели их волки. Казаки пели, что высыпался Хмель из мешка и наделал беды панам, которые кидались всюду, и везде вырастали как из-под земли казаки и рубили их как снопы, и не было никому спасения. А Богдан Великий гремел всем панам, что не надо больше лезть на благословенную Украину, не то вывернет он их всех вверх ногами и потопчет в щент и выбьет из неволи весь украинский народ. Сидите и молчите, паны, ибо время ваше кончилось, звенел по степи голос Богдана Великого. И гремели вырвавшиеся из тысяч казацких грудей величественные слова от Чигирина и Чернигова и Волыни и Львова и Винницы до самого Киева, и повторял их грозный Днепр, и катилось эхо по Киеву от Золотых Ворот из XVII века в век XXI по улице Богдана Хмельницкого, мимо памятника княгини Ольги, Андреевской церкви, к площади Независимости и к покровителю Киева Архангелу Михаилу и к самой украинской Матери, вознесенной на необыкновенную высоту, и слышали и повторяли их многие, и многие, и многие, и радовался сверху от Софии великий гетман, видевший завершение своей исполнившейся мечты и высекал их в народной памяти навсегда, и были они совсем простыми и грозными и добрыми и раскатывались неостановимо везде и всюду:

“С-л-а-а-а-в-а-а У-к-р-а-а-и-и-н-е-е-е!”

1595–1620 годы: «Украина никогда не будет польским захолустьем»

Vox populi – vox dei. Fiat in secula seculorum!
Глас народа – глас божий. На веки вечные!

Чеканная латынь завораживала чигиринского хлопца так же, как завораживал его фантастически старинный город Льва. Уже несколько лет Богдан Хмельницкий жил и учился в этом чудо-Львове, где каждую ночь на улицы выходила сама госпожа европейская история. Его не раздражало огромное десятитысячное городское население, ежедневно увеличивавшееся пятью тысячами жителей предградий и еще неизвестно каким количеством приезжих купцов и путешественников, казалось, стремившихся во Львов со всего мира. Его не раздражала многолетняя оторванность от родного дома, потому что он с жаром учился в Львовском коллегииуме Общества Иисуса, уже более полувека дававшего лучшее образование и воспитание в Европе тысячам и десяткам тысяч юношей в сотнях своих учебных заведений. Богдан познавал культуру мира и восхищался мудростью гениев человечества, собранной в этой новопостроенной каменице ордена иезуитов. Учеба занимала все дни и забирала почти все, казавшиеся неисчерпаемыми, силы юного хлопца. Он уже закончил первые три грамматические классы среднего коллегиального пятилетнего курса. Чигиринский novice совершенствовался в умении читать и писать, изучал начала греческого языка по Эзопу и Иоанну Златоусту, катехизис и основные правила латинского синтаксиса по трудам Цицерона, Овидия, Катулла, Вергилия. В четвертом, филологическом и пятом, риторическом, ему предстояло изучать иностранные языки, совершенствовать латынь, греческий, риторику по Цицерону, Цезарю, Титу Ливию, Саллюстию, Квинту Курцию, Платону, Горацию, Вергилию и Плутарху, заниматься географией, историей, христианской религией, добиваться мастерства в красноречии и ораторском искусстве по работам Аристотеля, Демосфена, Цицерона, Гомера, Фукидида.

Окончившие коллегиальный курс студенты могли продолжить учебу на семилетнем университетском философско-богословском курсе, готовившем, в основном, теологов и ученых. В коллегиях ордена иезуитов учеба велась сто девяносто дней в году, почти ежедневно, кроме воскресенья, по три двухчасовых лекций в день с двадцатиминутными перерывами между ними. Иезуиты запрещали игры в карты и кости, но в студенческом общежитии и самой коллегии были прекрасные бильярдные комнаты, где юноши охотно играли в любимое развлечение Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса. Новички на лето выезжали на прекрасно оборудованные дачи ордена с всегда изысканной кухней и великолепными садами, учились верховой езде, фехтованию, плаванию, катанию на коньках и лыжах, музыке и танцам. Мест только что открытой в 1608 году Львовской коллегии Общества Иисуса было немного и пятьсот студентов из Галичины и Надднепрянщины в возрасте от тринадцати до двадцати лет не теряли времени даром. *Perpetio est mater studiorum*. Повторение – мать учения. Знаменитый иезуит, доктор богословия Андрей Мокрский, преподававший в коллегии ораторское искусство, риторику и поэтику, был доволен Богданом из Чигирина, первым учеником, оратором и теологом, к тому же лучшим фехтовальщиком среди студентов, овладевшим очень трудным искусством боя с двумя боевыми рапирами в руках.

* * *

Много лет небогатый украинский шляхтич герба Абданк Михаил из Хмельника служил великому коронному гетману Речи Посполитой Станиславу Жолкевскому, имевшему именование

в Жолкве, местечке в нескольких километрах севернее Львова. Дочь гетмана вышла замуж за магната Яна Даниловича и принесла ему в приданое украинские земли у Чигирина, городка юго-восточнее Киева и Черкасс. В 1592 году староста чигиринский Ян Данилович послал туда Михаила Хмельницкого «для заселения и освоения пустынных мест на границе Диких Полей, для устраивания чигиринских земель и основания на них новых сел».

Если Хмельницкие за что-то брались, то делали это очень хорошо. Земля наполнилась получившими льготы переселенцами и процветала, а Михаил был назначен чигиринским подстаростой. Он построил дом в Чигирине над Тясьмином и в Переяславе, у реки Трубеж. За многолетние труды Жолкевский и Данилович дали ему землю в нескольких километрах западнее Чигирина, и Михаил Хмельницкий основал там свое новое родовое гнездо-хутор Субботов. 27 декабря 1595 года, в самую Рождественскую неделю, у Хмельницких родился сын Зиновий – Теодор Богдан, «от бога Зевса и богом данный!»

* * *

Множество украинских исторических документов погибло во время Украинской революции и Руины XVII века, а дошедшие до нашего времени казацкие летописи Самовидца, Григория Грабянки, Самойла Величко, «История руссов» Георгия Конисского написаны много позже создания Украинской державы Богданом Великим и его героями. В этих летописях немало исторических неточностей, а в «Истории руссов» множество фактических ошибок, вроде такой, как утверждение о том, что крестным Зиновия – Богдана был знаменитый герой – полководец Великого княжества Литовского Роман Сангушко, в действительности умерший задолго до рождения Богдана Хмельницкого. Украинские казацкие летописи написаны с большим стремлением восстановить и сохранить историческую правду о Хмельниччине, но их авторам, конечно, не хватало исторических документов, часто заменяемых свидетельствами очевидцев, потомков очевидцев, тех, кто слышал очевидцев или говорил, что слышал.

Что касается польских исторических источников, то относительно официальные документы об Украинской революции XVII столетия несусветно тенденциозны или абсолютно ангажированы, а частные свидетельства незатейливы и насквозь лживы. Верить вороху этого исторического хлама, безусловно, нельзя, а опровергать очевидное, бессмысленно. Мы, *oszewishcze, ne mamy nic przeczivko* любой исторической правды о Хмельниччине и о родоначальнике героев украинского народа, но в детстве родители всегда должны учить своих детей тому, что лгать нехорошо. Тем, кто называет белое черным, а зло добром, конечно, трудно измениться, но принимать всерьез их бумажный мусор за документы эпохи не годится. Впрочем, никто находясь в трезвом уме и твердой памяти, не будет спорить хотя бы с тем, что Богдан Великий родился в третий день Рождества для того, чтобы родить украинскую державность.

27 декабря 1595 года в Чигирине *advenit tempus* – пробил час и начала вершиться судьба Украины, самой лучшей страны на земле для тех, кто ее любит.

* * *

Поступить в новую иезуитскую коллегию во Львове, особенно в год ее открытия, сыну небогатого украинского шляхтича из почти пограничного Чигирина, было совсем непросто. Знаменитая братская школа в Киеве была открыта позже и Богдан Хмельницкий получил первые основы знаний стараниями своего отца. По просьбе Михаила Хмельницкого рекомендательное письмо в коллегийум написал великий коронный гетман Станислав Жолкевский, и его ректор Иов Борецкий, знаменитый теолог и автор трактата «О воспитании чад» зачислил в 1608 году тринадцатилетнего Зиновия – Богдана в действительные студенты.

Семь лет проучился в полюбившемся ему городе Льва будущий создатель Украинской державы. В 1612 году в Львовскую братскую школу поступил его одноклассник, сын и племянник молдавских господарей, ставший выдающимся митрополитом Петром Могилой. В тысяче львовских студентов всех возрастов, все знали друг друга, и два вершителя истории пронесли юношескую дружбу всю свою жизнь.

За длинные львовские годы Богдан Хмельницкий впитал в себя многочисленные достижения европейской культуры и мудрость гениев человечества, и в познании для него не было преград. После окончания коллегиального курса Богдан два года проучился на университетском, изучил логику, философию, физику, богословие, великолепно овладел казуистикой, познакомившись с ней не только на истории Древней Греции и Рима, но и на конкретных примерах истории современной ему Европы. Юный герой хотел всего и потому мог все. Орден иезуитов давал великолепное образование и воспитание и чигиринский двадцатилетний хлопец навсегда понял, что в мире существуют две силы – сабля и ум, но в борьбе между ними всегда побеждает ум. Гений Богдана неостановимо совершенствовал его разум, но на прикроватной тумбочке будущего офицера и ученика победителя в битве при Рокруа Конде Великого всегда лежали книги по истории военного искусства. Будущий полководец внимательно изучал победы Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря, готовил собственные описания и анализ удивительных битв военных гениев античности, изучал приемы создания и снабжения войск, тактику, технику рукопашного боя. Богдан отдавал предпочтение тому страшному оружию, которое через века назовут приемами информационно-психологического противодействия, контрпровокации и искусства политической интриги.

В львовской ночной тиши, в своей маленькой комнатке чигиринский хлопец вслушивался в железную поступь фаланг Александра Македонского и легионов Юлия Цезаря, летел в атаку с панцирной конницей и легкими нумидийцами Ганнибала. Он знал все о вызывающей оторопь даже у военных теоретиков битве при Каннах. Знал ли тогда будущий Богдан Великий о существовании недалеко от его комнаты горы Батог? Богдан легко научился проваливаться в прошлое, даже на тысячелетия и черпать из сумрака времени неисчислимые знания и силы, так нужные ему в будущей гетманской деятельности. Архивы гения Украины почти погибли в ужасную Руину конца XVII столетия, но кто в веке XXI не знает, что рукописи не горят.

* * *

«В ночь на 1 октября 331 года до Рождества Христова, вся Нифратская долина до самых Гордийских гор была залита ярким светом костров и факелов нескончаемой персидской армии, рокотавшей как океанский прибой. Неприятеля было втрое больше и македонские военачальники предложили Александру атаковать Дария ночью, чтобы воины не увидели, что их фаланги хватает только на центр огромного войска царя царей.

«Я не ворую своих побед, – ответил Александр, помолчал и, улыбнувшись, добавил, – видите, они ждут нашей атаки и находятся в тяжелом вооружении в боевых порядках, даже не выпрягают лошадей из колесниц, пусть выдыхаются и слабеют».

Македонский лагерь затих. После битвы при Гранике все воины фаланги, средней пехоты, тяжелой и легкой конницы знали, что их гений предусматривает все и тщательно готовит победу. Завтра будет битва при Гавгамелах и армия Александра к ней готова до самого последнего воина. Огромная, а потому рыхлая масса персидской пехоты, управляемая только гвардией Дария, атакует македонскую фалангу, которая должна выдержать первый страшный удар. Конница бьется с вражескими всадниками, не давая им зайти в тыл гоплитам, а Александр со своими гетайрами и ударной группой на правом фланге определяет слабое место во фронте противника. Своим стремительным косым ударом, всегда под углом к линии врага, он врывается в первую линию атакующих и разрывает ее. В это же время его фаланга тараном

идет на персов, не давая Дарию перебрасывать резервы к месту прорыва. В неприятельском войске, разорванном и истребляемом с разных сторон, начинается хаос, пехота бежит и гибнет под ударами македонских всадников.

Утром первого октябрьского жаркого дня сто пятьдесят тысяч персов стояли против пятидесяти тысяч македонцев. Железный прямоугольник тридцатитысячной фаланги в шестнадцать шеренг на протяжении всего двухкилометрового фронта был ошетилен овальными щитами в человеческий рост. Воины, не вытаскивавшие заранее длинные колюще-рубящие мечи, стояли в сомкнутом для обороны строе. Вот первые шесть шеренг взяли семиметровые копья под руки, а остальные десять положили свои сариссы на плечи впереди стоящих товарищей. Теперь через этот железный частокол не могли жалить и бить македонский непрорываемый строй ни стрелы, ни пращные камни персидских лучников. Фланги фаланги прикрывала конница, сзади стоял резерв из средней пехоты, располагавшийся в самых опасных для прорыва противника местах четкими правильными квадратами.

Александр, как обычно, во главе восьми эскадронов – илов своих товарищей *hetairoi*, находился на правом фланге. Македонские рыцари в железных шлемах и длинных кожаных кирасах в металлической чешуе, были вооружены прямыми обоюдоострыми мечами, полуметровыми кинжалами и двухметровыми копьями из неперерубаемого кизила. Они не имели ни щитов, ни седел и управляли своими боевыми конями только ногами в высоких крепких сапогах. Решающий удар тысячи шестисот гетайров восемью илами был страшен и это хорошо знали все вокруг Средиземного и Красного морей.

Дарий дал сигнал к бою и на македонскую фалангу пошла персидская пехота. Одновременно царь царей послал свою знаменитую бактрийскую конницу в обход правого крыла, втрое меньшего, чем персидская армия, войска этого зарвавшегося в пределы чужой для него Азии непонятно дерзкого грека. Две лавы сошлись в бешеной рукопашной рубке и бактрийцы медленно продвигались в тыл Александра, который спокойно стоял на месте. Вслед за пехотой Дарий послал в бой сотни боевых колесниц со страшными серпами по бокам и косами в колесах. Из фаланги выскочили копьеносцы и начали бросать копья в коней, другие воины бесстрашно хватили их под уздцы и висли на них, не допуская сотни таранов до своих товарищей. Несколько колесниц прорвались к фаланге, македонцы сжались, расступились, пропустили их в образовавшиеся проходы и стерли.

Александр тут же увидел, что слева от Дария нет сильного прикрытия. Он с гетайрами и тяжелой конницей бросился на прорыв, а, отбившаяся от пехоты и колесниц фаланга сразу же полуразомкнулась для нападения и мерно двинулась вперед по всему фронту. Гетайры снесли первую линию персидских войск и Александр сбил копьем возницу Дария, прикрывшего собой господина. С фронта на врага накатилась фаланга, закрывшая гетайрам тыл, и в минуты левый фланг и центр огромного войска шахиншаха под номером три, был смят. Недоколотые остатки первой линии своим быстрым откатом расстроили вторую, левая половина бесконечного войска начала все быстрее и быстрее отползать назад. Увидевший это, царь царей, к которому с великолепно-ужасающим криком: «Дария мне!» рвался Александр, сломался, бросил управление войском и побежал. Отступление почти ста тысяч персов превратилось у убойное бегство.

Бактрийская конница, почти зашедшая в тыл фаланги, целиком была перехвачена резервами средней пехоты, поддержанной конницей. Бактрийцы завязли в рубке и в этот момент их сзади ударил Александр с гетайрами, вернувшийся из боязни удара по его армии с тыла. В ожесточенно-скоротечном кавалерийском бою у Дария не стало бактрийской конницы, а у Александра – двух эскадронов гетайров.

Бежало все, что осталось от стопятидесяти тысячного войска Дария III. Македонцы преследовали недавно грозно-превосходящего врага и страшная пыль бесконечным высоким столбом затянула Нифратскую долину, из которой доносились только топот копыт, лязг оружия и

крики ужаса. Наступившая ночь сжалилась над побежденными и прекратила многочасовую то ли бойню, то ли резню.

* * *

Военный гений Александра Македонского и его героев в течение нескольких лет разбил иллирийцев и фракийцев в их родных горах, выдержал бешеный натиск на равнинах Фив, устоял перед страшной атакой персидской конницы при Гранике, взял неприступные Тир и Газу, развеял в пыль войско Дария при Гавгамелах. Александру Великому всего было мало и он атаковал сильнейшую армию индийских ариев, прекрасно организованных, беспрекословно подчинявшихся своему могучему радже и имевших большой боевой опыт, доблесть и храбрость.

Армия Порра была уверена, что ни при каких условиях не допустит переправы через свой широкий Гидасп войск Александра Македонского. Могущественный раджа, решительный и опытный полководец во главе непобедимой колоссальной силы, еще не знал, что ему предстоит небывалая и совсем непредсказуемая битва от рассвета до заката длинного индийского дня.

Почти сорок тысяч индийских воинов заняли удобную и непрорываемую без колоссальных потерь позицию на южном берегу Гидаспа. Триста боевых слонов-башен в одну линию стояли вдоль реки и никогда не видевшие их македонские лошади, шарахались только от их трубного рева даже на северном берегу реки. У македонцев не было шансов пробиться в Индию, не потеряв армию, и обе стороны знали это. Александр стоял и молча смотрел на водную гладь.

Внезапно над Гидаспом разразилась гроза и пошел затяжной проливной дождь. Уже через несколько часов, на закате, тринадцать тысяч македонцев во главе с Александром в десяти километрах выше лагеря Порра начали грозовую переправу через непереправляемый Гидасп. К рассвету эти невозможные воины уже стояли двумя, прикрытыми с флангов конницей, боевыми линиями прямо против правого фланга войск Порра, стоявших фронтом к реке.

Могущественный раджа не понял, что его из невозможного положения атакует сам Александр и послал своего сына со ста колесницами и двумя тысячами всадников перенять этот странный, непонятно откуда взявшийся отряд.

Жарким летом 327 года до Рождества Христова царь Порр уже должен был знать, что победитель Александр Великий не принимает сражения, навязанного ему врагом, а всегда реализует свой военный гений. До битвы при Гидаспе армии всегда бились фронт о фронт, и для своей индийской победы тридцатилетнему македонцу пришлось ввести в мировое военное искусство фланговый маневр войск.

Отряд Александра снес почти не заметив колесницы и всадников царского сына, и гарантированная победа могущественного раджи вдруг закачалась на весах судьбы. Македонский сам выбрал удобную ему позицию, и Порру быстро пришлось приспособливаться к тому, к чему приспособиться невозможно.

За Гидаспом замерли для броска двадцать тысяч македонцев, и Порр побоялся оставить реку без сильного прикрытия. Медленно он начал разворачивать десятки тысяч своих воинов к отряду Александра, не зная, что перед ним его главный враг. Грозовая ночная переправа через бурлящую реку была практически невозможна и раджа не верил, что Александр станет так рисковать своей жизнью. Македонский, как всегда, рискнул и теперь его гетайры и тяжелая конница могла атаковать там и тогда, где и когда это захочет гениальный полководец.

Армия Порра стала к македонцам в две линии, фронтом почти в десять километров, образовав вдоль Гидаспа длинный тупой угол. В центре новой позиции стояли двести слонов на расстоянии двадцати метров друг от друга и на самом могучем раззолоченно восседал Порр. Медленно, с кавалерией и колесницами на правом фланге, индийские воины пошли на короткую македонскую фалангу, стоявшую трехкилометровой линией. Порр видел, что у него второе

больше воинов и хотел окружить и уничтожить нагло переправившийся отряд. Раджа приказал части колесниц и коннице с правого перейти на левый фланг и в предвкушении верной победы разорвал фронт и оторвался от ста слонов и боевой линии у реки.

Александр Великий тут же увидел невидимое и победный орел, казалось, опустился на его плечо. Атаковать сильнейший центр Порра с невозможными слонами ему, конечно, придти в голову не могло, и он незаметно начал свой страшный косой удар, убедившись, что его оставшаяся армия за рекой будет атаковать туда и когда надо.

Тысяча легких конников полетели справа налево от македонской фаланги к индийским воинам. Залив их стрелами, они бросились в мечи и тут же Александр с гетайрами страшно ударил левее центра Порра там, где кончались слоны. Македонский со всего ужасного конского скака врезался во вражеский строй, не забыв перед этим послать большой отряд конницы за правый фланг войск раджи, для блокирования переброски подкреплений к месту прорыва и угрозы удара в тыл индийцам.

Колоссальный боевой порыв Александра сбил левый фланг Порра к центру и тут же быструю переправу через Гидасп начали двадцать тысяч македонцев с северного берега. Раджа развернул слонов на гетайров и их боевые кони впервые за много лет шарахнулись от невиданного врага. Александр яростно оттянул на себя все двести индийских великанов и тут же в ослабленный центр Порра ударила, стоявшая напротив десятитысячная фаланга, напряженно ждавшая этого предусмотренного гением момента. Особый отряд мгновенно вырвался из фаланги, догнал слонов сзади и перебил их вожаков. Великаны заметались и начали давить своих и чужих без разбора. Александр и его удивительные гетайры уже рубились во главе фаланги, и левый фланг и центр Порра не могли перебросить с атакуемого сзади македонской конницей, своего правого фланга ни одного воина себе на помощь.

В этот момент двадцать тысяч свежих воинов Александра переправились через Гидасп и ударили встык, между береговой линией обороны и войском Порра, дравшегося с фалангой. С правого фланга и с тыла индийцев атаковала македонская конница, в лоб таранила фаланга, слева ужасно бил Александр с гетайрами, а переправившиеся македонцы блокировали береговую линию, воины которой даже не успели развернуть на атакующих сотню своих слонов, и заходили в тыл индийцам уже с левого фланга от Гидаспа. Особый отряд македонцев давно перебил возниц на боевых колесницах и вожаков слонов, и в окруженном войске Порра, сбитого копьем со своего индийского великана, начался предсмертный хаос. В кровавом закате на залитой кровью земле мертво лежали двадцать тысяч индийских воинов. Раненый Порр и его восемьдесят слонов были взяты в плен, погибли два царских сына и к ночи этого бесконечно-ужасного дня, от блистательной армии могущественного и непобедимого раджи, не осталось ничего”.

* * *

Впоследствии военные теоретики назовут убийственную битву при Гидаспе – шедевром Александра Великого, а Богдан Великий будет вести свои сражения так, чтобы всегда использовать в свою пользу пересеченную местность и водные преграды.

Раз за разом он будет громить армии Польской Короны, стирая десятки тысяч ее солдат в пыль...

* * *

«Великолепный смолоду Ганнибал прекрасно знал, что для его очаровательно богатой военно-торговой республики не составит труда выставить для войны хоть стотысячную армию. Он видел, что Карфаген специально щадит жизни собственных граждан и предпочитает нани-

мать в войско иноплеменников, заодно устанавливая через них торговые отношения с близкими и далекими народами.

Африканских и европейских наемников, желавших служить в войсках богатого Карфагена, всегда было множество. Совет ста сенаторов любил набирать именно разноплеменных воинов, говоривших на непохожих наречиях, чтобы не давать им объединиться, чем предупреждал военные заговоры и возмущения.

Ганнибал прекрасно знал, почему герусия, верховный совет Карфагена, в котором неостановимо боролись за власть несусветные политические партии, приставила к нему для надзора своих сановников-комиссаров. Совет ста всегда очень беспокоился за продолжение своего золотого существования и не хотел, чтобы, якобы избираемые всем карфагенским народом, но на самом деле по прихоти герусии, полководцы не подняли свою армию на такое удобное для сенаторов-олигархов государство. Двадцатилетнего изобретательного и прозорливого главнокомандующего бесило, что герусия могла даже во время войны отказать своим войскам в деньгах и подкреплениях и вообще сменить полководцев, поставив на место подготовившего успех талантливый и заслуженный командующий богато-знатную бездарь, чтобы та, в угоду своей господствующей в тот момент партии, могла присвоить результаты очередной победы во славу отечества. Сенаторы со всей своей высокоплеменной дури писали и утверждали планы войн и строго наказывали высших командиров за малейшее отступление от них. Многие военачальники, на которых хотели свалить не их просчеты и разгромы, совсем не хотели рисковать и воевать смело и решительно, а часто действовали вяло и слабо, что, конечно, не всегда приводило к ожидаемой победе.

Ганнибал понимал, что Карфаген обязан своему несомненному близко-далекому могуществу совсем не военному устройству, а только торговому золоту и грубому невежеству врагов олигархической республики. Впрочем, после первой Пунической войны с Римом, торговая республика потеряла свой великолепный военный флот из двухсот отличных трирем, но на золотом аппетите герусии это не очень отразилось.

Ганнибал прекрасно знал цену своему военному и административному гению, справедливо оценивал математическую гибкость собственного разума, страшную силу воли и настойчивость, знание человеческой природы, умение находить выход из любого трудного положения. Он, Баркид, никогда не будет игрушкой в руках обнаглевшей от бесконтрольности и безнаказанности герусии. Он не потеряет точку опоры, а всегда найдет другую, построит новый успех на основе предыдущего, черпая свои силы только из собственного опыта. Он сумеет использовать случай для победы там, где любой другой обратит его себе на погибель. Ганнибал знал, что ему помогает счастье, но лишь потому, что он умеет его не упустить.

Двадцатилетний главнокомандующий карфагенской армией ее основой считал кавалерию сухопутных войск. Его отец, знаменитый Гамилькар Барка, обучил войско по образцу фаланги Александра Македонского. Это была надежная, но не быстрая смертельная машина, а Ганнибалу требовалась на постоянно меняющейся войне часто менять место действия и тактику. Основой армии молодой гений считал кавалерию. В ее войске карфагеняне служили только в избранной Священной пехотной дружине и тяжелой гвардейской коннице. Ганнибал понимал, что у наемной армии нет патриотизма и ее с Карфагеном связывает только денежное жалование и доля в военной добыче. Он, великолепный Ганнибал Барка – Молниеносный, даст своим разноплеменным воинам особый боевой дух, основанный на его стратегическом гении и великолепных победах. Герусия хочет его контролировать, чтобы присваивать чужой политический капитал? Она хочет забрать себе не свою славу и превратить ее в тяжелое и так нужное всем золото? Пусть тогда попробует протянуть свои загнувшиеся руки через Альпы. Он, Ганнибал, десятилетия будет воевать далеко от Карфагена и вернется к Совету ста только тогда, когда сможет с ним поспорить на равных. Он родился в этой стране и значит должен сделать ее счастливой. Если Ганнибал разобьет римскую республику и возьмет их священный

город, олигархическая герусия станет всемогущей и тут же снимет его с должности главнокомандующего, обвинив в чем-нибудь, чего не было.

В 218 году до Рождества Христова Ганнибал Молниеносный выступил не только против Рима. Он шел один на сто очумелых от жадности и безнаказанности карфагенских сенаторов и сами Альпы и Аппенины задрожали под поступью его великолепных бойцов и страшным воинским мастерством гения.

Ганнибал создал превосходную и многочисленную нумидийскую конницу, собрав ее из африканских кочевников. Он прекрасно знал, что именно стремительная конница является главным оружием гениальных полководцев и наносит врагу решительный удар, перед которым не может устоять никто. Полунагие африканские всадники в львиных и тигровых шкурах, с накрученными на левые руки плащами вместо щитов, вооруженные длинными мечами и десятком дротиков, росли на конях, которые были необыкновенно выносливы, неутомимы и быстры на скаку. Нумидийцы и тяжелая конница Ганнибала по примеру гетайров Александра Великого не пользовались седлами и даже уздечками, а управляли боевыми конями голосом, коленями и хлыстом. Уздечки задерживали ход лошадей и мешали стремительно врываться в ряды неприятелей.

Нумидийцы не наносили, как тяжелая кавалерия, ураганного удара в сомкнутом строю. Легкие всадники превосходно охраняли армию Ганнибала от внезапных нападений, могли непрерывно тревожить неприятеля частыми налетами со всех сторон, вели партизанскую войну небольшими отрядами и неутомимо преследовали отступавшего неприятеля. Пылкие и стремительные, они не боялись бегства, потому что бежали только для того, чтобы вернуться и напасть снова. Нумидийская конница Ганнибала Молниеносного стала лучшей в древнем мире. Неожиданные нападения, засады, набеги, введение врага в заблуждение, маскировка атаки полководца – это был ее арсенал, и военный гений знал и владел им превосходно.

Ганнибал провел смотр карфагенского войска. Тяжелая пехота и конница из своих африканских граждан и испанцев, ливийская, финикийская и галльская средняя пехота и конница в центре, перед ним, впереди, слоны и боевые колесницы, прикрытые болеарскими пращниками, на флангах многочисленная нумидийская конница – его армия была великолепна.

Прощай надолго герусия и здравствуй великий Рим. Давай посмотрим, так ли хороши твои легионы. Ты гордишься, что имеешь народную армию и лучшую в мире тактику когорт и манипул. Я, Ганнибал Молниеносный, иду проверить это.

Через два года он дождался, наконец, этого дня!

Много месяцев и километров Ганнибал заслуженно гонял римлян по их родной земле, и вот римская армия встала перед ним на широкой равнине. Недалеко виднелись на холмах домики маленького городка с типичным аппенинским названием Канны. Римских воинов вдвое больше карфагенских, а значит их спесивые консулы, командующие войсками через день, как обычно не отступят. Ганнибалу сегодня не нужна его обычная победа. Великому полководцу надо совсем уничтожить эти самоуверенные шестнадцать легионов.

У Эмилия Павла 64000 легионеров – 50000 тяжеловооруженных пехотинцев, 8000 средневооруженных солдат и 6000 всадников. Еще 10000 воинов охраняют римский лагерь.

У него, Ганнибала, менее 50000 бойцов – 20000 испанцев и галлов, 12000 карфагенских тяжеловооруженных пехотинцев, пращники, тяжелая конница брата Гасдрубала и 10000 нумидийских конников. Ширина Каннской долины четыре километра, по краям густой кустарник и река. Он, Молниеносный, окружит и перебьет римские легионы. Целиком. Совсем. Эти совершенные машины для убийств с никчемными военачальниками должны стать добычей его военного гения.

Почти семьдесят тысяч легионеров густой массой стояли глубокой двойной фалангой из тридцати четырех шеренг. Фронт длиной почти в две тысячи солдат справа и слева прикрывали

по три тысячи конников. Эмилий Павел хотел получить максимальный удар своих легионов на этих двух километрах линии боя.

Ганнибал вывел свою армию в шести колоннах. Две средних колонны, по десять тысяч испанских и галльских тяжеловооруженных пехотинцев, гений растянул широкой выгнутой к римлянам дугой и сравнял с двухкилометровым глубоким фронтом легионов. Справа и слева от своего центра на оставшихся двух километрах он уступами назад выставил две шеститысячных неразвернутых колонны карфагенских опытнейших бойцов. Перед ними слева, рядом с испанцами и галлами, выстроилась тяжелая кавалерия Гасдрубала, справа – десять тысяч нумидийских всадников.

Двадцать тысяч европейских воинов должны были выдержать страшный удар чуть ли не втрое большего количества железных римских легионеров. Чтобы его бойцы понимали, что никто не посылает их на убой, держали неустойчивый фронт и верили в почти невозможную победу, Ганнибал со своим штабом встал в самом центре испанцев и галлов. Молодые бойцы, ненавидевшие наглый и чванливый Рим, понимали, что будут драться прямо на глазах своего любимого полководца – героя, который не бросит их и никогда не даст на растерзание страшному врагу.

Ганнибал спрятал своих ветеранов за конными крыльями, чтобы Эмилий Павел не увидел своей гибели. Великому полководцу было нужно затянуть римлян в жесткий рукопашный бой и его боеарские пращники так раздражили легионы, что они стремительно пошли в атаку по всей линии фронта. На флангах шесть тысяч конников сорвались с места и понеслись на нумидийцев и всадников Гасдрубала, хорошо помнивших приказ командующего ни в коем случае не громить римлян до начала рукопашной схватки римской и карфагенской пехоты. Только в этом случае консул уже не сможет вывести свои легионы из боя. Африканские всадники в полмеча рубились с римлянами, и в этот момент железные когорты врезались в испанцев и галлов Ганнибала на всем двухкилометровом фронте.

Страшный удар легионов был ужасающ, и только личное присутствие и командование Молниеносного удержало его центр от разрыва линии фронта и гибели. Яростно обороняясь в сумасшедше-бешеной кровавой круговерти, две средние колонны гения пятились, сквозь зубы удерживая боевой строй. Воины твердо держались на флангах, где их прикрывала конница, но несущие большие потери цепи центра, неотвратимо прогибались. Ганнибал видел, что ряды римлян, невольно применяясь к линии фронта, стали сжиматься к центру и, наконец, успокоились. Римлянам конец, если он удержит центр от прорыва. Он удержит.

Чтобы полностью затуманить Эмилию Павлу картину этого кошмарного стотысячного боя, Ганнибал отдал приказ и тут же Гасдрубал и нумидийцы опрокинули все шесть тысяч римских всадников, которые начали быстро откатываться в тыл для перестроения. Карфагеняне пошли вдогон, а на освободившихся местах по команде Молниеносного, мгновенно стали разворачиваться две колонны африканских ветеранов, справа и слева растянувшиеся до задних рядов этой бесконечной фаланги. Выпуклая дуга карфагенских войск неотвратимо для римлян стала превращаться в вогнутую.

Карфагенян было слишком мало, чтобы полностью окружить римлян, которые, тем не менее, из-за большой плотности строя, тесноты и недостатка пространства, не могли развернуть манипулы на новые фронты на флангах. Эмилий Павел понимал, что его сдавленные легионы просто перебьют пращники и копьеносцы противника. Он еще мог отступить с большими потерями, но это был позор для превосходящих римских легионов. Консул отдал приказ разорвать фронт Ганнибала пополам, и колоссальный удар сдвоенных когорт потряс центр карфагенских войск.

Военный гений вместе с испанцами и галлами выдержал невыдерживаемый удар. Карфагенские цепи держались, несмотря ни на что, откатываясь на метры, и делали это все медленнее и медленнее. Ганнибал должен был остановить эту ужасающую поступь неостановимых

когорт, потому что остановка легионов означала их гибель. В самый нужный момент хаоса яростно-отчаянной резни, Молниеносный отдал приказ и тяжелая конница Гасдрубала слева, и нумидийские всадники справа снесли остатки римского кавалерийского прикрытия и ударили в тыл римской фаланге.

Эмилий Павел попытался перебросить в атакуемые задние шеренги опытных воинов-триариев, но удар карфагенской конницы сзади был так силен, что удержать его было невозможно. Римская фаланга остановилась и Ганнибал издал победный клич. Сбитые в огромный ком легионы стали огромной мишенью, в которую без промаха тяжелым проливным дождем хлынули камни, дротики и стрелы.

Рубились только крайние шеренги римлян со всех четырех сторон и воины центра были бессильны им помочь. Под бесконечным убийственным камнепадом легионеры тщетно пытались закопаться в землю или хотя бы в ужасе скрючиться в позе эмбриона внизу, в собственной крови. Над римским войском расплзался удушливый запах смерти и, почуявшие его, воины Ганнибала надавили еще, отодвинув неотодвигаемый предел этого кошмара. Положение избиваемых со всех четырех сторон легионов стало безвыходным. Ганнибал мертво держал центр своего войска и непобедимые когорты стали превращаться в беспорядочную толпу охваченных смертным страхом людей, в которую летели и летели копья, дротики, камни и стрелы. Ночь обрушилась на землю каннской равнины, на которую навсегда упали консул Эмилий Павел, проконсулы, легаты, трибуны, центурионы, восемьдесят сенаторов и еще пятьдесят тысяч римлян. Разгоряченные небывалой победой воины Ганнибала, потерявшего шесть тысяч бойцов, казалось, не заметив этого, перерезали и десятитысячную охрану римского лагеря.

Римская бойня при Каннах навсегда вошла в историю войн как пример гениально проведенного полководцем сражения, в котором одна сторона полностью уничтожила другую».

* * *

Богдан Великий, прекрасно знавший внешнюю и внутреннюю стратегию Ганнибала в его борьбе с Римом, всегда очень проницательно использовал все бесчисленные слабости польского сената, так похожего на карфагенскую герусию, и очень хорошо понимал психологию наемных войск, которых Речь Посполитая постоянно нанимала для борьбы с восставшим украинским народом. У горы Батог Богдан Хмельницкий устроил Польской Короне собственные Канны, в яростной и кровавой битве стерев десятки тысяч панов и жолнеров гетмана Мартина Калиновского дотла.

* * *

«Юлий Цезарь был великолепен всегда, особенно при решении стратегических задач. С помощью политики и экономики он разъединял силы своих противников и громил их по частям. Он мгновенно создавал необходимый военный перевес сил над врагом в нужном этому гению месте, недостаток сил компенсировал стремительностью, искусным маневром и военными хитростями, легко вводя неприятеля в заблуждение. Он всегда преследовал разбитого врага до его полного уничтожения, первым среди военных теоретиков стал создавать стратегический резерв, всегда владел инициативой и внезапностью. Цезарь собирал подробные сведения о противнике, изучал психологию и боевые таланты полководцев врага, тщательно разрабатывал план сражения и реализовывал его, всегда с учетом особенностей местности.

Юлий Цезарь, военный стратег и тактик, прекрасно знал подробности страшной для Рима битвы при Каннах, в которой беспомощные легионеры от ужаса неминуемой смерти пытались закопаться в землю там, где стояли. Он внес множество изменений в римское военное искусство.

До середины I века до нашей эры в римском легионе служили 4000 солдат. Они разделялись на тридцать манипул, которые перед боем строились в три линии, сначала молодые воины – гастаты, затем опытные бойцы – принципы и мастера рукопашного боя – триарии. Три манипулы, одна за одной, составляли условную когорту. Линии разделяли пятьдесят шагов, манипулы в линиях – двадцать. Манипул строился колонной в шесть шеренг и с двадцатью воинами по фронту. Третья линия триариев была резервной, а легион спереди прикрывали легкие стрелки, велиты. Все пешие легионеры в панцирях, шлемах, поножах, наручах, со щитами – были вооружены короткими мечами и дротиками.

Легион прикрывала конница, разделенная на десять турм, по тридцать воинов в каждой. Всадники турмы, на лошадях без седел, в легких панцирях, шлемах, с круглыми щитами, вооруженные копьями, мечами и кинжалами, строились свободно – по десять по фронту, в три шеренги. Все десять турм всегда строились по сто пятьдесят воинов на флангах легиона, в одну линию с интервалами в пятьдесят шагов. Римская конница атаковала рассыпным строем, сильный концентрированный удар не наносился.

В каждой линии легиона было по двадцать совершенных бойцов, центурионов, с особыми гребнями на шлемах и изображением виноградной лозы на плече. Самым почетным и страшным был первый манипул третьей линией триариев. Его центурион был старшим и нес знамя легиона, которое считалось священным.

На знаменах, длинных копьях с перекладиной наверху, были привязаны маленькие прапорцы и подвешены золотые и серебряные щитки. Знамена имели и все манипулы, а затем когорты. На штандарте легиона кроме надписи и номера были различные изображения – вепрь символизировал силу и натиск, конь – быстроту, волк – скрытность полководца и его хитрость.

Поочередно каждым легионом командовали шесть военных трибунов из патрициев, каждый по два месяца. Половину трибунов избирал народ по трибам, половину назначали консулы, высшие должностные лица Римской республики.

* * *

Юлий Цезарь и его военный гений реформировал римскую армию. Он разрешил принимать на службу представителей всех сословий, что резко повысило ее национальный дух. Его легион из 3333 воинов состоял из десяти когорт, по 333 легионера в каждой. Когорта делилась на три манипулы по 111 воинов, в манипулах было два взвода по 55 солдат. У Юлия Цезаря триарии, мастера боя, сражались в первой линии. Младшему командному составу было необходимо пройти 59 ступеней, чтобы дослужиться до главного центуриона первой когорты.

Штаб легиона состоял из командира, легата сенатского звания, нескольких квесторов, отвечавших за оружие, военное снаряжение и казну, двадцати четырех военных трибунов, которые избирались народом и назначались консулами, а также из разведчиков-лазутчиков, ликторов, писцов, ординарцев. При главнокомандующем была преторианская когорта, в которой добровольцами служили представители многих римских благородных фамилий, из патрициев и всадников. Все легионеры у Юлия Цезаря служили по двадцать лет.

Новая римская армия состояла из центра и двух флангов и строилась тремя линиями, из которых последняя была слабейшей. Четыреста всадников легиона в двенадцати турмах атаковали или двумя линиями, или глубокими колоннами. Для Юлия Цезаря главным оружием была не конница, а отборный стратегический резерв, производивший главный удар. Римский военный гений всегда строил десять когорт легиона в шахматном порядке. Для его армии не было равных противников за границами Римской республики, но в битве при Форсале он столкнулся с такой же армией, которая была и у него. В ужасном сражении Юлий Цезарь показал, что гений сильнее таланта и раздавил Гнея Помпея, своего политического и военного конкурента.

Утром 1 августа 48 года до нашей эры 40000 пехотинцев и 3000 всадников Помпея на Форсальской равнине стояли монолитной стеной. Справа легионы упирались в большой ручей, бежавший в глубоком овраге, и с этой стороны Гней Помпей мог не опасаться флангового удара. Он собрал всю конницу и велитов на левый фланг, рассчитывая резким ударом смять правое крыло армии Юлия Цезаря, у которого было 30000 пехотинцев и тысяча всадников, зайти ей в тыл и разгромить. Помпей построил свои легионы в три линии сомкнутым строем фаланги и приказал им не двигаться с места до удара войск Цезаря. Помпей считал, что запыхавшиеся и полуразомкнутые линии врага встретят железные когорты, которые опрокинут его, а конница довершит разгром. При этом он понимал, что его армия будет сражаться в обороне, а значит, будет лишена возможности маневрировать. Гней Помпей заранее соглашался на оборону и эта была его стратегическая ошибка.

Две римские армии строились к бою в трехстах метрах друг от друга и Цезарь видел, что на левом фланге Помпея готовится таран для прорыва его правого крыла. Цезарь усилил его, собрав там всех своих всадников, велитов и тренированных в быстром беге легионеров. Он скрытно перевел шесть когорт триариев в стратегический резерв и незаметно поставил их чуть сзади своего правого фланга, перпендикулярно к месту ожидавшегося прорыва.

Цезарь приказал своей коннице при ударе вражеской кавалерии отступить, затянуть за собой атакующих, а затем контратаковать, и тогда таран Помпея был бы раздавлен тройным ударом. Подобный отчаянный приказ могли выполнить только великолепно дисциплинированные и обученные воины, беззаветно верившие в своего полководца. Остановить тысячи легионеров во время отступления, развернуть их и бросить в контратаку на атакующего с численным перевесом противника, обученного так же, как и твои воины, мог только военный гений, доведший до предела взаимодействие всех трех родов войск легиона и спаявший их железной дисциплиной.

Юлий Цезарь встал, разумеется, на опасном правом фланге и приказал двум своим линиям атаковать противника. Тут же Гней Помпей бросил на Цезаря свой таран слева, пытаясь опрокинуть конницу прикрытия и зайти врагу в тыл. Конница и велиты Цезаря начали мнимое отступление, преследуемые воодушевленным противником. В этот момент атакующие линии Цезаря сшиблись с сомкнутыми рядами Помпея и началась страшная рукопашная резня двух равных противников. Почти семьдесят тысяч бойцов сцепились в неразрывном бое, Цезарь отдал приказ, и его отступавшая конница остановилась, развернулась и начала контратаку, поддержанная триариями и третьей линией легионеров. В прорывающийся таран ударили сразу слева, справа и в лоб и у Гнея Помпея не стало его конницы, которую никак не могли спасти завязшие в оборонительной рубке пешие легионы, находившиеся всего в нескольких сотнях метрах.

Стерев таран, контратака Цезаря ударила в непрекрытый левый фланг Помпея, начав рукопашную и в этот момент шесть когорт триариев зашли в тыл фаланги противника, теперь яростно атакуемого сразу с трех сторон.

В минуты все было кончено. 15000 легионеров Помпея были убиты, 25000 захвачены в плен, сам неудачный конкурент Цезаря бежал переодетым простым солдатом и вскоре был зарезан. Вечером жаркого августовского дня перед первым вечным римским императором лежали все девять священных знамен легионов его, теперь уже бывшего, противника».

* * *

Богдан Хмельницкий прекрасно знал историю Древнего Рима и военное искусство Гая Юлия Цезаря.

Спланированная великим гетманом Украинская революция была продумана до мельчайших подробностей и победить в борьбе с ней у недалекой в своем чванстве Польской Короны не было никаких шансов, только если погибнуть всем вместе в ее ужасающем адском пожаре.

Шляхта попыталась сделать именно так, но не смогла пройти сквозь гения украинского народа даже к общей гибели. Польские сенаторы-лицемеры говорили и писали на всю Речь Посполитую, что Украинская революция губит такую дорогую и добрую для всех ее граждан «Отчизну», что «согласием даже малые дела возвышаются, а несогласием и большие разрушаются», что «если лишить государство доходов, то оно делается беззащитным перед множеством врагов», что «человеческая природа несовершенна и все мы бродим в темноте, обуреваемые страстями и заблуждениями», что «своеволие и самоуправство – это вовсе не глашатаи свободы, а наоборот, прорицатели ее падения и гибели». Богдан Великий вежливо отвечал, что: «подобные мысли достойны великой похвалы, если бы все их питали, то крепость государства была бы незыблема». Гетман расстраивался, говоря, что: «как хорош этот мир, и как мало в нем счастья, и не может быть такого зла и насилия на этой дивной Земле». Хмельницкий заявлял сейму, что установленные им законы – насильственны, а потому бессмысленны. Сейм гордо отвечал: “Victor dat leges – законы диктует победитель!» Богдан Великий вежливо возражал: «Errate humanum est – человеку свойственно ошибаться». Украина никогда не будет польским захолустьем.

На Польскую Корону неотвратимо накатывалась абсолютно заслуженная ею страшная многолетняя война.

1620–1622 годы: «Привет тебе, Черное море, да не с того конца»

На Польскую Корону неотвратимо накатывалась заслуженная ею страшная многолетняя война, закончившаяся Потопом, из которого страна выплыла с колоссальными потерями, и это было только начало государственных бед.

На огромной территории между Одрой и Вислой, с размаху упирающихся в Балтийское море, в самом начале XI столетия короли династий Пястов Мешко I и Болеслав Храбрый объединили все польские племена в новое государство. В столице Polski Гнезно папа Сильвестр II открыл польскую метрополию римско-католической церкви, поставив в главе ее первого архиепископа, прimateса.

В обширной и обильной природными богатствами стране, объявленной в 1024 году королевством, для защиты от бесконечных нападений Тевтонского ордена, была создана разветвленная система замков и крепостей польских магнатов, благородных *nobiles*, любивших в виде королевских наместников, комасов и каштелянов, управлять Краковом, Гданьском, Колобжегом, Вроцлавом и Познанью. Рыцари-дружинники короля и магнатов – нобилей получили усадьбы в городах и поместья в польских землях, по рыцарскому праву *jure militari*, не в собственность, а на время военной службы своего рода. Короли династии Пястов были могущественными самодержавными монархами, пользовавшимися полной поддержкой вельмож – *nobiles* и рыцарством – *milites*, но продолжалось это совсем не долго.

* * *

Триста лет XI, XII и XIII веков в Польше шли бесконечные войны, междоусобицы и нашествия, в которых в 1241, 1259 и 1287 году кроваво отличились татаро-монголы Золотой Орды Бату-хана. Польские рыцари и нобили, столетиями защищавшие свои земли, ставшие в бесконечном военном огне наследственными, за века боев превратились в мощную дворянскую корпорацию с особым кодексом чести. Образовавшееся дворянское сословие наконец захотело отдыха и благоденствия.

После нашествий Чингизхана и Батые к XIV веку торговые пути из Киевской Руси переместились к Балтийскому и Северному морям. Из Польши стали в огромных количествах вывозить зерно, лес, соль, мед, мясо, рыбу. Финансовое благополучие позволило брестско-куявскому князю Владиславу Локетку вновь объединить страну. В 1320 году новой столицей Polski стал Краков на Висле, удобно расположившийся в плодородной долине у подножия Карпат. Этот сказочный город быстро превратился в стратегический и торговый центр на перекрестке дорог между Польшей, Чехией, Словакией и Силезией. Владислав Локетек заложил традицию короноваться в Вавельском замке Кракова, в окружении родового дворянства, теперь уже наследственно владевшего своей землей и поместьями.

С этого момента дворянское сословие в Польше стали называть *shlachta*, что по-древнегермански означало «род». Сами польские рыцари переводили это слово, как «люди боя». Первые шляхтичи на всю Европу славились своими подвигами, а широта и роскошь жизни магнатов-нобилей поражали традиционно спокойное европейское воображение своим блеском. В десятках польских замков и крепостей с тысячными гарнизонами шляхтичи объединялись не только аристократией крови, но и аристократией духа. Само собой, родовитое дворянство не забывало любимыми путями превращать лично свободных крестьян в крепостных. Положение восточного соседа Польской Короны Великого княжества Литовского было очень сходным и

это в конечном итоге привело к объединению этих двух государств в огромную Речь Посполитую.

* * *

Созданное в середине XIII века королем Миндовгом на литовских и белорусских землях Великое княжество Литовское, уже через сто лет, при государях Гедимине и Ольгерде, почти бескровно присоединило к себе разгромленные татарами-монголами земли распавшейся великой Киевской Руси, лежавшие вдоль седого Днепра.

Тогда же, в 1370 году, польский король Казимир III Великий завоевал знаменитое Галицкое королевство, прикрывавшее до этого Польшу от Золотой Орды. Он присоединил к Польской Короне великолепный Львов, через который с древнейших времен проходили торгово-стратегические пути из Кракова, Бреславля и Гданьска-Данцига к Черному морю, в Малую Азию, Венгрию и на Балканы.

Казимир Великий, последний король из династии Пястов, составил первый польский сборник законов «Вислицкий статут», в 1374 году дополненный Кошицким привилеем. В Польше было создано регулярное войско, города обрели привилегии Магдебургского права, магнаты-нобилы и высшее духовенство получили верховный иммунитет и большие права, которым, казалось, не было конца. Шляхта полностью освободилась от всех налогов, кроме обязательной военой службы, а крестьянство попало в полную крепостную зависимость к дворянству.

К концу XIV столетия интересы польской и литовской шляхты совпали настолько, что Польская Корона и Великое княжество Литовское объединились персональной Кревской унией 1386 года, посадив на польский трон великого князя литовского, женив его на королеве из рода Пястов. В 1410 году объединенная Польша и Литва с Украиной и Белорусью остановили двухвековой «Натиск на Восток» Тевтонского ордена и тут же занялись расширением своих территорий. Польская Корона вернула балтийское Поморье с Данцигом-Гданьском и опять стала хлебным амбаром Европы, поставляя туда и морем и сушей множество продуктов и сырья.

С начала XVI столетия Польша и Великое княжество Литовское активно занялись войнами с сочувственно к этому относившемуся Московским царством. Украинские, белорусские и смоленские земли переходили из рук в руки, само собой, вместе с налогами и контролем за балтийскими и черноморскими торговыми путями. Воевать пришлось века, в которые в итоге рухнуло и все польское государство, но если бы шляхте в 1500 году об этом сказали, то она бы просто не обратила на подобное пророчество внимания, занятая удовольствиями и бессистемной тратой присвоенных чужих крестьянских денег. Стремясь в конце концов по собственной воле рухнуть в историческое небытие, в 1505 году Польша приняла Радомскую конституцию.

“*Nihil novi*” – «Никаких нововведений». В начале XVI столетия законодательная власть в государстве перешла к нобиям и дворянству, тут же ограничивших права своего любимого короля. В Польской Короне началась эпоха шляхетских привилегий, по которым короли обязывались «не вступать в пределы отданных ими государственных свобод», первое время бывших только именованными и персональными, не распространяясь на все благородное сословие.

Шляхетские поместья и имения были освобождены от власти королевских чиновников, сами дворяне получили личные и родовые гербы. У благородного сословия за век перехода шляхетских привилегий на все шановное панство страны создалось и окрепло корпоративное сознание своих общих прав, привилегий и родовой солидарности. Уже к середине XVI века Польша превратилась в ограниченную сословную монархию, во главе с сеймом, высшим государственным законодательным органом. Решениям этого всеобщего съезда магнатов, высшего

духовенства и шляхетских депутатов, подчинялись король, правительство, духовенство, дворянство, мещане, казаки и крепостные крестьяне.

Шляхтичи получили законное право собирать пошлыны с товаров и купцов, проезжавших по их землям, и их размер зависел от дворянской жадности и тупости. Благородные могли держать корчмы, гнать самогон и варить пиво, устраивать в своих поместьях ярмарки и торги, строить замки и даже издавать собственные законы на своей земле. Шляхта, приглашаемая на сеймы личными королевскими письмами, полностью прониклась сильным корпоративным духом, дружно и энергично отстаивала свои интересы, как правило, резко не совпадавшие с интересами других сословий государства, что блокировало развитие страны. В XV веке мелкопоместная шляхта могла присутствовать на общегосударственных сеймах только в качестве зрителей без права голоса и относилась к этому совершенно спокойно. Шляхтичи стали быстро политизироваться в XVI столетии, когда получили исключительные права на занятие государственных должностей воевод, каштелянов, судей, подкомориев.

Начался золотой век польской шляхты, с середины XVI века уже представлявшей собой такую силу, от которой зависела судьба страны.

В 1528 году в Польской Короне прошел «Военный попис». В государственные списки были внесены все, кто должен был нести конную военную службу. Через двадцать лет состав шляхетского сословия был определен окончательно, решены все спорные случаи, часто, само собой, очень субъективно, а значит несправедливо. Единственным законным доказательством шляхетства стала королевская грамота на землю за военную службу и свидетельства нескольких значительных дворян. Украинское и белорусское шляхетство понесло значительные потери. Многие дворяне, у которых были только магнатские земельные документы, не всегда подтвержденные королевскими грамотами, из-за жадности к хабарам от просителей, не запрашиваемыми управляющими старостами нобилями, стали казаками.

Шляхетские привилегии были полностью оформлены юридически и многочисленные дворянские группы слились в одно сословие с теоретически равными правами. На деле вельможи – вожди разных магнатских политических партий всегда в интересах государства преследовали свои, обычно корыстные интересы. Нобили собирали на местные сеймики поветовую шляхту и покупали ее военную силу деньгами и привилегиями. Польшей правили не король, а аристократия. В разгар Ливонской войны середины XVI века Польша стала избирательной монархией, а затем шляхетской республикой.

* * *

В 1557 году Московское царство и балтийский Ливонский орден на много лет сцепились в войне за контроль над колоссально богатыми военно-торговыми портами Прибалтики. По просьбе орденов рыцарей и по привычке к захватам в войну вмешалась Польша, приняв в свой состав ливонское побережье Балтийского моря, которое в Кракове стали называть Инфлянты. Ливонская война Польши и Литвы против патологического садиста на московском троне Ивана IV Ужасного, грозила затянуться на десятилетия, и противостоять бросавшему в топку сражений десятки тысяч воинов царю можно было только с помощью объединенных войск и экономических ресурсов. В 1569 году в Люблине Польская Корона и Великое княжество Литовское соединились в государственный союз и образовали республику Речь Посполитую, в состав которой вошли обширные польские, литовские, украинские и белорусские земли. Воспользовавшись кровавой бесконечной войной, Польша забрала у атакуемой Москвой Литвы украинские Киевщину, Волынь и Полесье и тут же начала их несусветную колонизацию, естественно закончившуюся для нового государства плачевно.

Через три года после создания Речи Посполитой умер король Сигизмунд II Август, закончив двухвековое правление в Польше династии Ягеллонов. Шляхта с удовольствием стала избирать своих королей, делая это своевольно и бессистемно. Местное дворянство выбирало депутатов на местные сеймики, которые назначали делегатов на общегосударственный сейм, с 1595 года собиравшийся в новой столице Варшаве, и обладавшей не только законодательной, но и исполнительной властью. Украинцы, не имевшие в Речи Посполитой никакой автономии, на сейм не избирались, за исключением нескольких оставленных для республиканского примера магнатов, чьи «украинские кости давно обросли ляшским мясом».

Для удобства любившего все контролировать польского дворянства, которого было в три раза больше чем литовского, в короли Речи Посполитой стали избирать иностранцев. Француз Генрих Валуа задержался в Варшаве на один 1573 год. За ним в Вавельском замке Кракова короновались венгр Стефан Баторий, успешно правивший в 1576–1586 годах, шведы Сигизмунд III Ваза (1587–1632) и его сын Владислав IV (1632–1648).

Новые польские короли приняли на себя жесткие «Генриховы артикулы»: беспрекословное подчинение всем постановлениям сейма, созыв посполитого рушения – шляхетского ополчения только с согласия сейма, изъятие судебных дел шляхты из ведения королевского суда и передача их в шляхетские трибуналы Польши и Литвы. В 1573 году все крестьяне на розданных шляхте землях Речи Посполитой стали официальными крепостными, полностью подчиненными дворянству.

Любой новый закон, новый налог принимался только сеймом. Шляхтичи получили абсолютную личную и имущественную неприкосновенность. Арест дворянина мог быть произведен только по королевскому указу, согласованному с сеймом, который никогда согласия не давал. Шляхтичи могли совершенно свободно распоряжаться своим имуществом, землей, личностью, служить у кого угодно, уезжать за границу. Они были лично свободны от налогов. Даже товары и сырье, вывозимые из их поместий за границу, не облагались таможенными сборами, что приводило к колоссальным злоупотреблениям в общенациональном масштабе.

Во главе Речи Посполитой встали «Паны-рада», Советы господ, в который входили магнаты, нобили, высшее духовенство во главе с примасом, король и несколько его главных советников. Правительство составляли представители Польской Короны и Великого княжества Литовского – два великих канцлера, два подканцлера, два великих гетмана-полководца, два польных гетмана-заместителя, два надворных маршалка, руководивших сеймом, два подскарбия – министры финансов, воеводы, старосты, каштеляны, епископы. В Совете господ председательствовал великий коронный канцлер от Польши, руководивший правительством, контрольно-правовой службой, хранивший большую государственную печать, возглавлявший дипломатическую службу и организовывавший с маршалками государственный сейм. Все правительственные должности были несменяемыми и почти наследственными, шляхтича нельзя было уволить, только повесить.

Общий, вальный сейм состоял из шляхетских послов-депутатов от провинциальных сеймиков, входивших в посольскую избу, нижнюю палату сейма. В Сенат, верхнюю палату сейма, входили члены Совета господ. На сейме всегда присутствовал король и его советники. Городские жители, жившие по Магдебургскому праву, как и казаки, в сеймах представлены не были, могли только передавать туда петиции и обращения.

На сеймах определялась внутренняя и внешняя политика государства, принимались законы и новые налоги. Непосредственно Речью Посполитой руководили постоянно выделявшиеся из Совета господ бесконечные тайные и ближние рады, имевшие непонятный официально-неофициальный статус. Постановления сейма, называвшиеся конституциями, издавались с формального согласия короля, советовавшегося с Сенатом. Самого короля страны избирали не по закону, а по обычаю, поголовным голосованием вального, элекционного сейма,

созывавшегося на большом поле под Варшавой. В периоды частого и никого не расстраивавшего бескоролья, созывались конвокационные сеймы, с помощью рад правившие страной.

Речь Посполитая была разделена на воеводства, староства – области и поветы-районы, которые стали центрами шляхетской административной, общественной жизни. Поветовая шляхта представляла особый полк под своей хоругвью, разного цвета и с гербом в центре. На поветовые сеймики, ставшие не только избирательными органами, но и структурой местного управления, собиралось все дворянство округа – паны, земские урядники, князья, каштеляны, воеводы. В периоды бескоролья канцелярии сеймиков были основными государственными местными органами Речи Посполитой.

Поветовые шляхтичи жили в усадьбах, поместьях, имениях, которые назывались панскими дворами. В их границы могли входить деревни, села, местечки, города. Основное население Речи Посполитой составляли крепостные крестьяне и вольные люди, свободные арендаторы земли, по чиншевому праву отдававшие помещику-шляхтичу четверть урожая.

Шляхтичи, каждый десятый, а в некоторых поветах каждый пятый житель, могли иметь очень мало земли или не иметь ее совсем, как и крепостных крестьян, и шли служить в магнатории к крупным нобилям.

Многие шляхтичи выжимали все соки из крепостных и в Польской Короне им это обычно сходило с рук. Совершенно другая ситуация складывалась на Украине, имевшей Запорожскую Сечь. Когда одичалого шляхтича-сади́ста убивали доведенные до истерики обычно спокойные крестьяне, им автоматически полагалась смертная казнь. Правда, чтобы Украина не обезлюдела, казнить больше трех простолюдинов за одного убитого шляхтича не полагалось, но законы в Польше не соблюдались никогда по молчаливому согласию деградирующего благородного сословия. Магнаты и бесконечная шляхта были всевластные, они законодательствовали, управляли, судили, избирали королей, вели войны, заключали мир и старались делать все что хотели, не считая при этом получавшихся трупов.

С начала XVII века бесконтрольное и безнаказанное шляхетское сознание безраздельно господствовало в политической, социальной и общественной жизни Речи Посполитой. Особенно панский гонор усилился после того, как Польская Корона использовала Русскую Смуту и начала вооруженную интервенцию в Московское царство, в 1605 году стараниями нобилей Мнишковых, Вишневецких и Рожинских усадив на российский трон Лжедмитрия I. Вся Речь Посполитая знала, что Москва присягнула польскому королевичу Владиславу, претендовавшему на ее трон до 1632 года и отказавшегося от него за Смоленск. По всем панским дворам рассказывали о приключениях польского гарнизона в Кремле в 1609–1612 годах, о его грандиозных попойках, во время одной из которых были спьяну утоплены знаменитые царские регалии – держава, скипетр, бармы и даже шапка Мономаха. Дело шляхетское: «век наш круткий – выпьем вудки, он не длугий – выпьем по другий».

Различные магнатские партии созывали свои конфедерации и сеймы, добиваясь принятия нужных им для обогащения и гонора результатов. Нобили ввели почти поголовную грандиозную коррупцию наоборот, покупая голоса мелкой шляхты. Принятое из-за Украинской революции, благодаря Богдану Хмельницкому, неменяемое право *liberum veto* – «запрещаю» привело в итоге к гибели Речи Посполитой, особенно, впрочем, шляхты не расстроившей. Шляхетское своеволие приучило многих поляков не к законности, а к культивированию бесправия. В хаосе государственности нобили, само собой, монополизировали внешнюю торговлю сырьем и сельскохозяйственными продуктами, а простые шляхтичи от патологической жадности стали заставлять крепостных крестьян бесконечно работать только на себя, ведя чудовищные поборы и панщину.

Почти никто из благородного сословия уже не обращал внимания на то, что гражданская доблесть повсеместно заменялась продажностью, останавливающую естественный ход обще-

ственного развития. Шляхта с безалаберным удовольствием обращала себе во вред даже то, что сама судьба давала ей на пользу и не слышала предупреждений талантливых и умных представителей польской нации: «Полоумный хозяин не тушит огня, пока он тлеет, а начинает его заливать, когда уже разгорелся пожар».

Шляхта позорила себя жадностью, эгоизмом и зверствами. Произвол в Речи Посполитой достиг колоссальных размеров. Иезуит и талантливый общественный деятель Петр Скарга тщетно обращался к благородному сословию: «Несогласие приведет на нас неволю, в которой утонут наши свободы. Вы будете лишены не только государя, избранного из вашего народа, но и родины и королевства. Всюду вы станете жалкими и презираемыми, убогими изгнанниками, которых будут топтать ногами».

* * *

За семь лет учебы в Львове Богдан Хмельницкий не раз побывал и в Киеве, и в Кракове, и в Варшаве. Двадцатилетний хлопец прекрасно видел, что Речь Посполита битком набита всевозможными королями, которые, никогда ни за что и никому не дадут жить спокойно. Они будут постоянно торчать в народном кармане, не забывая при этом традиционно издеваться над людьми. Юный Богдан, получивший лучшее европейское образование, почти физически чувствовал, что Украине, не имевшей никакой автономии в составе Речи Посполитой, остается быть только несколько десятилетий до окончательной колонизации всего народа. Тех, кто покорится скотской доле, Польская Корона превратит в бесправное быдло, а тех, кто не покорится – убьет, освободившиеся земли заселит польскими и литовскими колонистами уже привыкшими к рабству. Хмельницкий слышал рассказы о варшавском сейме, на котором королята заявили на всю Речь Посполитую, что никогда и никому не отдадут Украину, потому что она «плодоносная обетованная земля, текущая молоком и медом, всем изобильная и из века сльвущая золотым облаком».

* * *

Юный чигиринский казак умом понимал, что Киевской Руси больше нет, она разбита и навсегда сошла с арены истории, но сердцем смириться с этим не мог, как и любой человек хоть раз побывавший в изумительном Киеве, в этом чудо-городе, жителям которого должны завидовать другие смертные.

В библиотеке Львовского коллегиума Хмельницкий читал книги о Киеве, «знаменитым во всех землях», «озаренным праздничным сиянием». Полустертые и потрескавшиеся страницы рассказывали о разнообразных многовековых связях Киевской Руси с Византией и Западной Европой, о ее довольстве и роскоши, о всеобщей разноплеменной книжной учености, непринужденности и свободе ее жителей, людей различных званий и сословий, о внутреннем единстве их жизни.

Татаро-монгольское нашествие Чингизхана и Батыя обескровило Украину – «там, где жили десятки тысяч, там робко копошились отдельные семьи обездоленных людей, ежегодно ждущие набега и, не имея возможности найти защиту в городе или у князя». Само историческое самоназвание «Украина» впервые упоминалось в исторических источниках XII века – так называли Переяславскую и Галицкую земли. Это древнее, еще дославянское слово быстро распространилось на всю территорию дивной страны, рубежа на границе Европы и Славении.

За обладание «млеком и медом» Киевской Руси сцепились захватившая Закарпатье Венгрия, Литва, Московия и Польша.

Многонациональная погибающая империя стала колыбелью не только украинцев, белорусов и русских, но и многих других народов Европы и была лакомым куском для многих госу-

дарственных хищников, веками бродивших по странам и континентам в поисках добычи или наживы.

Вошедшие при государях Гедимине и Ольгерде в Великое княжество Литовское киевские, черниговские, переяславские, подольские, волинские земли сохранили свое административное устройство, язык и религию, получив только нового верховного суверена. Совсем по-другому было в захваченной Галичине, где Польская Корона хозяйничала с 1349 года. Магнаты и шановное панство любили заниматься уничтожением культуры народа, находившегося от них в зависимости.

Различные области Украины в составе Польши, Литвы и Венгрии стали обособляться, но этому смогли помешать вера и экономика. Киев, Волинь, Галич, Подолия сами собой неостановимо сливались в единое целое экономическое пространство, дополняя друг друга. Восстановлению государственности задолго до Украинской революции XVII века помешало взятие турками в 1453 году Константинополя. Оттоманская Порта и ее вассал Крымское ханство начали постоянные походы – нашествия на украинские земли, разоряя даже Киев. Плохо защищаемое чужими властями, население Южной Украины, уводимое и увозимое в рабство, значительно поредело.

К турецко-татарской постоянной угрозе в конце XV века добавилась и новая, восточная, разом изменившая историческую судьбу Украины. В 1503 году, после десятилетней войны Москвы и Литвы, к будущей России отошла Черниговщина, но это было только начало векового конфликта. Занятое постоянной защитой белорусских земель от московских атак, Великое княжество Литовское уступило колоссальному давлению Польской Короны, тут же почувствовавшей государственную слабость родной братской державы. После Люблинской унии 1569 года, обескровленная Литва под угрозой войны передала украинские земли довольной Польше. Украина, которая была и не была, оказалась намертво зажата между Великим княжеством Литовским, Московией, Польшей, Турцией и Крымским ханством и ничего в этом хорошего не было.

После религиозной Брестской унии 1596 года, когда православная церковь Галичины перешла в подчинение к Ватикану, польские магнаты и шляхта начали смотреть на неподчинившихся этому восточных украинцев, как на еретиков-схизматов. С начала XVII века жители Восточной Украины считались рабами Польской Короны, а их язык, традиция, культура и право – помехой в колонизации гордого и непокорного народа.

Население Польши в несколько раз превышало украинское и шляхтичем в Короне был каждый десятый псевдогражданин. Украинское дворянство составляло три процента жителей, казаками были семеро из ста человек. Активная и массовая колонизация угрожала быстрым уничтожением всего украинского народа. Магнаты и нобили, поддерживаемые шляхтой, гордо заявляли, что республиканская Польша, стирающая самосознание украинцев, сама себе выбирает короля, пишет законы и поэтому имеет полную власть над крестьянами-схизматами. По всей Европ крепостничество исчезало, а на Украине культивировалось. Паны со звериной наглостью ограничивали оружием личную свободу украинских посполитов, для которых слова «шляхтич» и «поляк» слились воедино. Это в совсем недалеком будущем грозило бедой Речи Посполитой, по статусам и законам которой недорогая охотничья собака оценивалась в два украинских хлопча.

В начале XVII столетия польская коса налетела на украинский камень. Шляхтичи, среди которых было множество патологических извергов, столкнулись с гордым и вольнолюбивым народом. Хамско-убийственный панский лозунг «Сильный всегда прав» – вдруг оказался вывернут против Польши. Ожидаемо неожиданно в огромном восточноевропейском кровавом шахматном сражении середины XVII века главными боевыми фигурами стали украинские казаки, которым в 1633 году великий коронный канцлер Речи Посполитой Ежи Оссолинский гонорово заявил на варшавском сейме: «Католическая вера – хозяйка в нашем доме, а ваша

религия – у нас пришелец. Получите у нас то, что мы даем вам из милости. Мы умрем, но не допустим вас, казаков, что-либо решать в Польской Короне».

Благодаря массовому панскому хамству и садизму, на Украине скопилось столько горячего материала, расколыхавшего народ, что недоставало только искры во всеобщий украинский пороховой костер, чтобы зажечь пожар революции. Вместо искры в Чигирине родилась великолепная молния и звали ее – Богдан Великий.

* * *

С благословения сейма польский король с размахом раздавал и раздавал украинские земли бесчисленным Заславским, Вишневецким, Потоцким, Каменовским, Збаражским, Конецпольским, Замойским, Любомирским, Корецким, Казановским. Польские шляхтичи с подачи своих нобилей заявляли украинцам: «Вам, холопам, ум не нужен, потому что вы должны кормить нас, панов не умом, а хлебом». Из львовского коллегиума беззвучно вылетел и пронесся по всей Украине уверенный ответ будущего героя: «Мудростью всегда засеешь больше, чем зерном. Ждите, панове, богатый урожай».

В 1615 году двадцатилетний Богдан из Чигирина получил диплом об окончании Львовского коллегиума Общества Иисуса и вернулся в родной дом. Михаил Хмельницкий записал сына в Черкасский полк украинского казацкого реестрового войска, в его Чигиринскую сотню. Богдан рубился в пограничных стычках, служил сотенным писарем, помогая отцу обустроить ставший родовым гнездом хутор Субботов. Молодой, образованный казак сразу заметил, что документы на владение землей Михаила Хмельницкого не оформлены по статутам Речи Посполитой. Он тут же сказал об этом отцу, но тот не поторопился попросить своего покровителя великого коронного гетмана Станислава Жолкевского ходатайствовать о внесении необходимых записей о владельцах Субботова в польские государственные земельные реестры. Михаил Хмельницкий так и не закончил оформлять бумаги на свою чигиринскую землю. В 1618 году Чигиринская сотня в составе войск реестрового казацкого гетмана Петра Сагайдачного, вместе с хоругвями жолнеров участвовала в походе королевича Владислава на Москву. Занимать царский трон сын старого Сигизмунда не очень стремился, понимая, что поляку после 1612 года на русском престоле не усидеть. Цель похода у его организатора Сената была совершенно другая и польская Корона в нее успешно попала. 1 декабря 1618 года в селе Деулино был подписан русско-польский мирный договор, по которому Польша получала Смоленск и Чернигов с землями за эфемерный отказ от притязаний на московский трон королевича Владислава. Это был фантастически выгодный для Речи Посполитой обмен – отдать то, что тебе не принадлежит и взять за это то, что почти никак нельзя получить – два больших и богатых великих княжества.

Неизвестно, участвовал ли Богдан Хмельницкий в Московском походе 1618 года, но совершенно точно известно, что он знал все подробности этой странной полувойны, впервые познакомившись с удивительной тупостью, невероятным чванством и запредельной грубостью московских бояр – дипломатов допетровской эпохи, умевших любой государственный успех превратить в поражение страны, как правило, позорное. Позднее подобным позором закончилась и попытка царя Михаила Федоровича в 1632 году забрать Смоленск у Польши. Войска, разучившиеся воевать под началом очумелых от необоснованной гордости и назначенных по протекции, а не по уму и воинскому мастерству, бояр – псевдополководцев, бесполезно легли под древним русским городом не от вражеских ядер, а больше от болезней, вызванных отвратительной, как обычно у тогдашнего Кремля, подготовкой и организацией смоленского похода. Король Владислав IV отказался от уже ненужного ему московского трона, получив за это официальное царское признание передачи Смоленской и Черниговской земли в состав Речи Посполитой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.